

ВАЦЛАВ СЛОВАК
Оломоуц

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С УЧЕТОМ СИНКРЕТИЧНЫХ ФАКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Исследование членов предложения является одним из важнейших направлений синтаксиса. Обязательным элементом каждого предложения является предикативная основа (Бабайцева 2011), которую составляют подлежащее и предикат (в двусоставном предложении) или только предикат (в односоставном предложении)¹. Подлежащее и предикат, образуя структурную схему предложения, считаются главными членами предложения. Второстепенные члены предложения распространяют главные члены, образуя с ними синтагмы, в которых выступают в роли зависимого члена. Кроме того, таким образом могут распространяться и иные второстепенные члены предложения. Вера Бабайцева выделяет члены предложения I уровня (главные члены предложения), II уровня (распространители главных членов предложения — второстепенные члены предложения), III уровня (распространители распространителей — также второстепенные члены предложения) и т.д. (Бабайцева 2011). Пржемысл Адамец выделяет ранги членов предложения. К первому рангу относятся предикат (организационный центр предложения) и члены предложения, вытекающие из валентности предиката, — подлежащее (субъект), дополнение (объект), некоторые виды обстоятельств и др. Члены предложения второго

---

¹ Предикат двусоставного предложения раньше в литературе обозначался как сказуемое, в односоставном предложении назывался единственным главным членом предложения. В современной литературе все чаще применяется термин «предикат», которым можно заменить оба вышеприведённых термина (Кубик 1977).

ранга выполняют функцию распространителей членов предложения первого ранга и т. д. (Адамец 1968).

В русской лингвистической традиции выделяются три второстепенных члена предложения: дополнение, определение (с включением приложения) и обстоятельство. Таким образом, с учётом предикативного ядра речь идёт о пятичленной системе, соответствующей значениям синтаксических отношений, несомых членами предложения: атрибутивному, объектному, субъектному, циркумстативному (обстоятельственному) и предикативному (Чеснокова 1996), причём в типичных случаях значение атрибутивного отношения несёт определение, объектного — дополнение, субъектного — подлежащее, циркумстативного — обстоятельство, предикативного — предикат. Поскольку для возникновения синтаксических отношений необходимо наличие по меньшей мере двух членов предложения, в односоставных предложениях (*Пожар! Светает*) вышеприведённые отношения не выражаются. Следовательно, необходимо отличать предикативные отношения от признака предикативности: предикативные отношения — синтаксические отношения, возникающие в двусоставных предложениях между подлежащим и предикатом; предикативность («приуроченность выражаемого предикатом признака ко времени и к действительности») — признак, свойственный самому предикату и являющийся обязательным признаком каждого предложения (Kubík 1977, с. 15).

Подобный подход к классификации членов предложения — попытки определить члены предложения, исходя из некоторых их характеристик — использовался ещё в XIX веке, в частности, в трудах Александра Потебни, Фёдора Буслаева или Александра Пешковского (Фурашов 2011).

Буслаев в книге *Опыт исторической грамматики русского языка* рассматривал второстепенные члены предложения на основе двух признаков: по синтаксическому употреблению и по синтаксическому значению. На основе первого признака он выделял члены предложения, которые согласуются с главным членом предложения, которые им управляются или которые не стоят в видимой синтаксической связи (термин «примыкание» Буслаевым не использовался). По второму признаку выделялись члены предложения определительные, дополнительные и обстоятельственные. Пытаясь найти взаимосвязь между приведённым разделением членов предложения, Буслаев связывал

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ...

согласуемые слова с определительными, управляемые с дополнительными и остальные (несогласуемые и неуправляемые) с обстоятельственными членами предложения. Учёный указывал и на отклонения от данной системы, напр., существование несогласуемых определительных слов (*восход солнца, пять лет*) или управление обстоятельственных слов в тех случаях, когда приставка глагола предопределяет выбор предлога зависимого члена предложения (*войти в город, выехать из города, переходить через мост*) (Буслаев 1858).

Пешковский предлагал выделять второстепенные члены предложения только по формальному средству выражения синтаксических отношений, т.е. согласуемые, управляемые и примыкающие, считая названия *определение, дополнение, обстоятельство* лишними (Пешковский 1956). Приведенная концепция кажется простой и ясной, однако к её недостаткам можно отнести, во-первых, выделение членов предложения только на основе формальных признаков, без учёта их семантической стороны, во-вторых, разграничение формальных средств выражения синтаксических отношений не всегда просто, переходные явления между управлением и примыканием были подробно описаны Ириной Политовой (2008), следовательно, и предлагаемая Пешковским система второстепенных членов предложения не является совершенной.

Пятичленная система членов предложения — подлежащее, предикат, дополнение, определение с приложением, обстоятельство — до сих пор используется в трудах многих лингвистов; члены предложения выделяются, как правило, на основе двух типов признаков: формальных и семантических. Несоответствие же формы и семантики часто приводит к трудностям в описании структуры предложения. Следует указать на некоторые проблемы, возникающие в процессе описания структуры предложения с помощью приведённой системы членов предложения.

1) *Мальчик пришел к столу. Учитель отошёл от окна. Автомобиль переехал через реку.* В данных случаях членами предложения обозначается место (точнее, направление) действия, но они управляются глаголом с приставкой, предопределяющей их форму. На данные члены предложения в своё время обращал внимание Буслаев. С семантической точки зрения их можно считать обстоятельствами, но с формальной точки зрения — дополнениями.

2) *Мне не спится. Меня трясет. У меня нет книг. Дорогу занесло снегом. Памятник охраняется государством.* В приведённых предложениях субъект действия выражается не именительным падежом (что в современной лингвистике является одним из типичных признаков подлежащего). Проблема определения таких членов предложения и вопрос о придании им статуса подлежащего существует в синтаксисе уже долгое время. Козьма Говоров (на Казанском съезде учителей русского языка, 1866) указал на отличие синтаксических отношений от логических (цит. по Виноградов 1958). В *Грамматике* Филиппьева (1869) отмечено, что «подлежащее может быть выражено не только именительным падежом, но формами всех косвенных падежей, даже предложного, напр., **В богатом житье как в море** (цит. по Виноградов 1958, с. 286). Владимир Классовский (в книге *Нерешенные вопросы в грамматике*, 1870) признает даже существование двуподлежащих предложений, напр., **У меня нет книг.** В современной лингвистической традиции, однако, кроме именительного падежа синтаксического существительного подлежащее выражается только родительным падежом в некоторых типах предложений, описанных далее. Выделенные жирным шрифтом члены предложения считаются в большинстве случаев дополнением (*Дом построен работниками*), реже — обстоятельством (**В богатом житье как в море**). Однако некоторыми лингвистами в XX веке подлежащее понимается шире. К примеру, чешский русист Пожемысл Адамец (1968) выделяет прямое подлежащее (номинативный субъект) и косвенное подлежащее (неноминативный субъект, напр., дативный или препозиционный).

3) *Его здесь нет. Недостатков не обнаружено. Денег не хватает. Пять учеников вошло в класс. Много друзей написало мне письмо.* В настоящее время принято выражать подлежащее также родительным падежом синтаксического существительного в отрицательных предложениях или в предложениях с количественным значением. Однако во всех приведённых случаях выделение подлежащего небесспорно, так как его форма зависит или от предиката (в отрицательных предложениях) или от количественного определителя (*пять учеников, много друзей*), что не совпадает с тем, что подлежащее — единственный независимый член предложения. Все приведённые предложения в настоящее время считаются двусоставными, однако рань-

ше отрицательные предложения считались односоставными, т.е. бесподлежащими (см. Bauer, Mrázek, Žaža 1960). В предложении *Недостатков не обнаружено* возникает вопрос, является ли слово *недостатков* подлежащим в родительном отрицания или прямым дополнением в родительном отрицания, так как глагол *обнаружить* переходный (*обнаружить недостатки — не обнаружить недостатков*). Следовательно, необходимо определить, выражено ли в данном предложении подлежащее.

Кроме упомянутых неоднозначных случаев, можно привести примеры трудностей с определением других членов предложения, напр.: *Мне очень нравятся прогулки **ночью*** (определение или обстоятельство). *Строение нового **здания** нашего университета длилось много лет.* (определение или дополнение). В чешской лингвистической традиции члены предложения, зависящие от существительного, всегда считаются определением (учитывается только формальный аспект вне зависимости от семантической природы данных членов предложения). Наоборот, в русской лингвистической традиции подчёркивается семантический аспект, член предложения в первом приведённом случае считается обстоятельством времени, во втором предложении — косвенным дополнением. Оба эти подхода допустимы, но в данных членах предложения очевидно несоответствие формальных и семантических признаков.

С целью уточнить, пополнить и сделать систему членов предложения более совершенной в научной литературе выделяются и другие второстепенные члены предложения. Лингвисты пытаются определять члены предложения более подробно и более точно, чтобы количество спорных случаев сокращалось. Результатом является повышение количества выделяемых членов предложения, вследствие чего система членов предложения становится слишком сложной, кроме того, по-прежнему можно найти языковые явления, которые нельзя однозначно определить в любой системе членов предложения, какой детальной она бы ни была.

Другой подход описания системы членов предложения, при котором часто сохраняется первоначальная пятичленная система, встречается в трудах лингвистов, применяющих теории синкретизма и переходности. Так, Вера Бабайцева (1967, 1983, 2000, 2011, и др.), в статье *Синкретизм*, опубликованной в *Лингвистическом энциклопедическом словаре*, даёт два значения этого понятия:

1) Совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме. 2) Совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности (Бабайцева 2000, с. 446).

Разрабатывая теорию членов предложения с учетом явлений синкретизма, лингвист выделяет типичные члены предложения (содержащие в себе полный набор соответствующих характерных дифференциальных признаков) и синкретичные члены предложения (имеющие дифференциальные признаки двух или больше членов предложения).

Предметом данной статьи стал выделенный чешским русистом Романом Мразеком «новый» член предложения — субъектное дополнение. Наша цель — доказать, что это дополнение можно считать синкретичным членом предложения, совмещающим в себе дифференциальные признаки двух или более «традиционных» членов предложения. Кроме того, в качестве иллюстрации переходного характера всей системы членов предложения будут рассмотрены некоторые переходные явления между двумя членами предложения — дополнением и обстоятельством.

Мразек в статье *Синтаксические отношения и члены предложения* (1961) представляет систему членов предложения, дополненную субъектным дополнением (по-чешски *subjektové určení, podmětové určení, subjektivý determinant*). В литературе встречаются и другие наименования члена предложения с тем же или подобным значением, напр., «семантический субъект» (Тестелец 2001; Flídrová, Žaža 2005; *Современный русский язык* 1989), «синтаксический субъект» (Бертагаев 1958; Лекант 1969), «субъект действия» (Бертагаев 1958), «косвенный субъект» (Adamec, In: M. Kubík a kol. 1982) и др.

Субъектное дополнение можно характеризовать следующими признаками (Мразек 1961):

1) оно обозначает субъект действия или состояния, т.е. субъектно-детерминирующее отношение к действию или состоянию; поэтому

2) его нельзя считать ни дополнением, ни обстоятельством (дополнение выражает объектные отношения, обстоятельство — обстоятельственные).

3) В субъектном дополнении может происходить смещение синтаксических отношений, оно может выражать субъектно-объектные, субъектно-обстоятельственные или даже субъектно-объектно-обстоятельственные отношения.

4) Субъектное дополнение — зависимый член детерминативной синтагмы, он управляется главным компонентом.

По нашему мнению, к вышеприведённым признакам следует добавить два формальных признака. Субъектное дополнение является зависимым членом детерминативной синтагмы, поэтому нужно определить, чем выражаются главный и зависимый члены данной синтагмы:

5) Субъектное дополнение зависит от предиката односоставного или двусоставного предложения, реже — от любого члена предложения, выраженного существительным.

6) Субъектное дополнение выражается чаще всего формой косвенного падежа с предлогом или без предлога, в некоторых случаях также наречием.

Субъектным дополнением Мразек (1961) признает следующие падежи: 1) дательный падеж в односоставных предложениях (*Мне не спится. Тебе еще готовить доклад. Vyschlo ti v krku*); 2) родительный падеж в некоторых отрицательных и количественных конструкциях (*Его здесь нет. Учеников пришло пять. Bylo nás pět*); 3) творительный падеж в безличных активных конструкциях (*Снегом занесло дорогу*) или двусоставных пассивных конструкциях (*Памятник охраняется государством. Byl jsem pochválen ředitelem*). На наш взгляд, необходимо признать субъектным дополнением и 4) винительный падеж в некоторых безличных конструкциях² (*Меня трясет. Его тошнит. V tu chvíli mě zamrazilo*), а также разного рода предложные конструкции, напр., *У меня болит голова. У него пересохло в горле. Со мной беда. Среди посетителей — жалобы. Nakonec došlo i na něj. Je to se mnou špatné. U Jendy došlo k výraznému zlepšení*. В некоторых случаях субъект можно выразить также наречием: *Вокруг засмеялись. Doma se mě na to neptali*.

Основной мотивацией выделения субъектного дополнения является, на наш взгляд, то, что субъект выражается не имени-

² Р. Мразек в статье *K metajazykové stránce kategorie subjektu* (1978) относит к субъектному дополнению уже более широкий круг явлений, включая и винительный падеж.

тельным, а косвенным падежом, вследствие чего его нельзя считать ни подлежащим, ни дополнением, ни обстоятельством, ни каким-либо другим членом предложения. Субъектному дополнению одновременно свойственны признаки как подлежащего, так и второстепенного члена предложения (чаще всего дополнения). С подлежащим субъектное дополнение связано прежде всего значением «субъект действия или состояния». Сходными чертами субъектного дополнения и других второстепенных членов предложения являются зависимость от предиката (признак дополнения или обстоятельства) или от существительного в роли любого члена предложения (признак определения), а также их выражение косвенными падежами синтаксического существительного.

Субъектные дополнения часто встречаются в односоставных предложениях, в которых субъект выражается косвенным падежом, но они могут выступать и в двусоставных предложениях рядом с подлежащим, которое называется грамматическим субъектом, а субъектное дополнение — семантическим (логическим, глубинным) субъектом (Mrázek 1978).

Между чешским и русским языком нет симметрии в употреблении односоставных предложений. Односоставному предложению в русском языке часто соответствует двусоставное предложение в чешском языке, напр., **Нас** трое — [**Мы**] *Jsme tři*; **Снегом** занесло дорогу — **Sníh** *zasypal cestu*; **Мне** не спится — [**Я**] *Nemůžu spát*; Позвонить **мне** ему? — [**Я**] *Mám ti zavolat?* (субъект обозначается жирным шрифтом.) Реже встречается соответствие односоставному предложению в чешском языке двусоставного в русском языке: напр., *Zítرا se u nás pere.* — **Завтра у нас стирка** (Flídrová 2012/2013). В последнем предложении налицо подлежащее (*стирка*), но субъект представлен посредством «*у нас*».

Как видно, с формальной точки зрения группа субъектных дополнений довольно разнообразна, субъектное дополнение охватывает достаточно широкий круг явлений. Приведённые члены предложения в большинстве случаев занимают промежуточное положение между подлежащим и дополнением: с семантической точки зрения это подлежащие (обозначают субъект действия), с формальной точки зрения — дополнения (выражаются косвенным падежом, управляются предикатом).

Одним из признаков субъектного дополнения является возможность выразить осложненные отношения, напр., иметь зна-

чение субъекта и объекта одновременно: *Воздух насыщен электричеством; Небо покрылось тучами.*

Приведённые предложения — двусоставные со страдательным предикатом, их можно трансформировать в предложения, в которых субъект будет занимать позицию подлежащего: *Электричество насытило воздух; Тучи покрыли небо.* Именно возможность трансформации свидетельствует о наличии у данного члена предложения субъектного значения (Mrázek 1964). Ср.: *Byt byl zapečetěn policií — Policie zapečetila byt; Byt byl zapečetěn zámkem — *Zámek zapečetil byt* (в данных примерах только форма *policií* имеет субъектное значение, она является субъектным дополнением; форма *zámkem* обозначает орудие/средство). Однако и активные формы глаголов *насытить*, *покрыть* сочетаются с творительным падежом: *покрыть* (кого?) *ребенка* (чем?) *одеялом*, *насытить* (что?) *организм* (чем?) *кислородом*. Формы *одеялом*, *кислородом* управляются глаголами *покрыть*, *насытить*, следовательно, являются дополнениями. Вышеуказанные предложения можно трансформировать в активные конструкции, сохраняя творительный падеж, напр.: *С помощью современной техники мы можем насытить воздух электричеством / покрыть небо тучами.*

Следовательно, в выделенных жирным шрифтом формах (*электричеством*, *тучами*) совмещаются субъектное и объектное значения, находящиеся на грани между субъектным дополнением и «собственно» дополнением.

Иногда в члене предложения совмещаются субъектные и обстоятельственные отношения — в этом случае данный член предложения занимает промежуточное положение между субъектным дополнением и обстоятельством. Напр., ***В газетах** писали о полетах в космос — **V novinách** psali o letech do vesmíru; **В часах** затрещало — **V hodinách** to hrklo; **В садах** было пусто — **V zahradách** bylo pusto; **Дома** меня не спрашивали — **Doma** se mě na to neptali; **Говорят из Москвы**; **В деревне** его все знали; **В Америке** говорят по-английски; **V kamnech** vyhaslo; **V Itálii** zase stávkují; **Na ulicích** bylo kluzko.* Данные конструкции можно часто трансформировать в предложения с субъектом в позиции грамматического подлежащего: *Часы затрещали; Сады были пусты; Говорит Москва; Камна vyhasla; Ulice byly kluzké.* Иногда определением места подразумевается «люди в этих местах»: *в газетах писали — работающие в газе-*

тах люди писали; дома спрашивали — люди, которые живут со мной дома, спрашивали; в деревне его знали — люди, которые живут в деревне, его знали; v Itálii stávkují — lidé v Itálii stávkují.

Отмечается возможность совмещения в одном члене предложения трёх типов отношений — субъектного, объектного и обстоятельственного: *Я был удивлен его **ответом***. Субъектное отношение доказывается преобразованием в конструкцию, где субъектное дополнение выступает в качестве подлежащего: *Его **ответ** меня удивил*. Далее от предиката к имени можно задать вопрос как падежный (*Я был удивлен чем? его **ответом***), так обстоятельственный (*Я был удивлен почему? его **ответом***), причём форма *ответом* управляется глаголом *удивить* (кого, чем), выражая одновременно причину данного состояния, что свидетельствует о совмещении данных типов отношений.

В пассивных конструкциях с творительным падежом, обозначающим субъект, в некоторых случаях глагол можно превратить в отглагольное существительное. В таком случае творительный падеж принимает дополнительно черты несогласованного определения, так как зависит от существительного: *Памятник охраняется **государством** — охрана памятника **государством**; Предложные конструкции были описаны **Востоковым** — описание **Востоковым** предложных конструкций; Byt byl započítěn **policií** — započítění bytu **policií**.*

Итак, мы показали, что член предложения, обозначаемый как субъектное дополнение (семантический субъект, субъект действия, и т. д.), является синкретичным (в соответствии со вторым значением слова «синкретизм» в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* см. выше), совмещая в себе признаки подлежащего и дополнения (*Мне не спится*) или подлежащего и обстоятельства (*Дома меня спрашивали*). К субъектным дополнениям относятся также случаи, когда в члене предложения совмещается субъектное значение с объектным (*Небо покрылось **тучами***) или с атрибутивным (*Особенно интересно и ценно описание **Востоковым** предложных конструкций*), однако данные члены относятся, по нашему мнению, к периферии дополнения / определения, так как их связь с подлежащим (направление субъектного значения) слишком слаба.

Согласно теории синкретизма и переходности, систему членов предложения можно считать непрерывной и связной, типичные

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ...

члены предложения занимают лишь часть всех синтаксических явлений в языке; среди них существует целый ряд переходных случаев, которые нельзя однозначно отнести ни к одной группе. Данное утверждение мы постараемся обосновать, описав переходные явления между двумя типичными членами предложения — дополнением и обстоятельством.

Дополнение и обстоятельство отличаются по следующим дифференциальным признакам: 1) частеречная принадлежность члена предложения, 2) тип синтаксического отношения, 3) формальное средство выражения синтаксического отношения. Типичное дополнение выражается падежной или предложно-падежной формой синтаксического существительного, между компонентами синтагмы устанавливаются детерминативно-объектные отношения, формальным средством выражения синтаксического отношения является сильное управление. Типичное обстоятельство чаще всего выражается наречием, синтаксические отношения — детерминативно-обстоятельственные или детерминативно-атрибутивные, подчинение обстоятельства главному компоненту формально не выражается, обстоятельство к нему примыкает. Следовательно, к типичному дополнению можно отнести, напр., следующие примеры: *Анна подняла **голову*** (прямое дополнение); *Я занимаюсь **музыкой*** (косвенное дополнение без предлога); *Мама заботится **о детях*** (косвенное дополнение с предлогом). Типичные обстоятельства: *Она **красиво** поет* (детерминативно-атрибутивные отношения); *Пошли **домой*** (детерминативно-обстоятельственные отношения).

Однако между типичными дополнениями и типичными обстоятельствами находится широкая зона синкретизма, в которой налицо переходные явления, совмещающие в себе дифференциальные признаки дополнения и обстоятельства. Данные явления многочисленны, но в основном их можно разбить на следующие группы:

1. Падежные или предложно-падежные формы синтаксических существительных, выражающие обстоятельственные значения и сильно управляемые главным компонентом. К данной группе можно отнести вышеупомянутые примеры в предложениях *Мальчик пришел **к столу***; *Учитель отошёл **от окна***; *Автомобиль переехал **через реку***. Данные члены предложения нельзя считать обстоятельством, потому что их форма предо-

пределяется главным компонентом (глаголом в личной форме), между тем как обстоятельства формально не проявляют своей зависимости от главного компонента. Их нельзя считать и дополнениями, поскольку в них выражается место или направление. Следовательно, такие члены предложения можно определить как синкретичные. К данной группе можно также отнести предложно-падежные формы синтаксических существительных с каузативным значением при глаголах эмоционального значения или состояния, напр., *жаловаться на жизнь, упрекать за грубость, благодарить за помощь* и др. С одной стороны, управляющий глагол требует определённой формы зависимого члена предложения (*жаловаться на что, благодарить за что* — признак дополнения), с другой стороны, зависимый компонент содержит причину данного действия или состояния (признак обстоятельства).

2. Падежные или предложно-падежные формы существительных, которые выражают разные обстоятельственные или атрибутивные значения и слабо управляются главным компонентом.

Слабое управление — это термин, использующийся в литературе в разных значениях. В данной статье под слабым управлением подразумевается способ выражения синтаксического отношения, при котором главное слово не нуждается в одной определённой форме зависимого члена, допуская больше разных зависимых форм. Выбор формы зависит от двух критериев: во-первых, от валентности глагола, во-вторых, от значения зависимого компонента (Zimek, In: M. Kubík a kol. 1982). Напр., *жить у моря, в деревне, под Москвой, на улице Чехова, недалеко от площади; поехать в школу, к маме, за врачом, на работу, поездом, на велосипеде*.

Именно случаи типа *рисовать карандашом, кататься на велосипеде, рубить топором* и др. трактуются в литературе по-разному. В чешской лингвистической традиции они относятся к обстоятельствам (выделяются обстоятельства орудия и средства), в русской лингвистической традиции их относят к дополнениям. На наш взгляд, лучше всего признать за ними синкретичный характер, потому что их нельзя считать ни типичным дополнением, ни типичным обстоятельством.

Синкретичные члены предложения, приведённые в первой и второй группе, обозначающие место или направление, Адамец

(1968) условно называет добавлением (адъектом). От дополнения они отличаются тем, что вместо них можно вставить местоименное наречие, чего в случае типичного дополнения сделать нельзя: *Он переехал через реку — Он переехал туда; Он отошел от стены — Он отошел оттуда; Они живут у моря — Они живут там.* От обстоятельства они отличаются тем, что они вытекают из валентности главного слова (предиката).

3. Формы существительного в винительном падеже, зависящие от переходного глагола, обозначающие или объект, или время, но в рамках контекста нельзя определить однозначно их значение.

К данной группе синкретичных членов предложения можно отнести лишь небольшое количество членов предложения, напр., *Художник рисовал день и ночь; Жизнь прожить — не поле перейти* (посл.). Трудности при анализе возникают вследствие многозначности винительного падежа без предлога, которым может обозначаться как прямое дополнение, так и обстоятельство времени. Следовательно, из предложения *Художник рисовал день и ночь* вне контекста нельзя узнать, являются ли *день и ночь* объектом его картины, рисовал ли он, напр., *зимний день и летнюю ночь*, или обозначает ли это выражение время, когда он рисовал, *день и ночь — сутки*. В предложении *Жизнь прожить — не поле перейти* также неясно, является ли слово *жизнь* ответом на вопрос *что?* или *как долго?*, следовательно, оно может выступать и в роли дополнения, и в роли обстоятельства, но в данном предложении нельзя такой член предложения однозначно определить. Однако, как уже отмечалось, подобная неоднозначность зачастую снимается контекстом.

Итак, в данной статье отражены две тенденции в современной теории членов предложения для решения спорных случаев определения синтаксической роли того или иного слова. Первая тенденция — выделение новых членов предложения. В данной статье приведены два «новых» — субъектное дополнение и добавление / адъект. Такой подход, с одной стороны, позволяет дать точное название многим т.н. «пограничным» членам предложения, но, с другой стороны, усложняет и делает менее наглядной всю систему (напр., Адамец — 1968) выделяет девять членов предложения: предикат, подлежащее, дополнение, добавление, обстоятельство, уточнение, состояние, определение, уточнение определения). Вторая тенденция — признание су-

ществования синкретичных (переходных) членов предложения, совмещающих признаки двух или более «традиционных» членов предложения. Этот приём, на наш взгляд, больше подходит к описанию системы членов предложения, поскольку не предполагает введения большого количества новых терминов для обозначения синкретичных членов предложения, в то же время, в случае необходимости можно анализировать синкретичные члены предложения более детально и тонко, составлять шкалу переходности³. Однако, отдельные синкретичные зоны в системе членов предложения и переходные случаи в лингвистике на сегодняшний день недостаточно описаны и требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- П. Адамец, *Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка*, УП, Оломоуц 1968, 182 с.
- В.В. Бабайцева, *Переходные конструкции в синтаксисе*, Воронежский гос. пед. ун-тет, Воронеж 1967, 391 с.
- В.В. Бабайцева, *Синкретизм*, // В.Н. Ярцева (гл. ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, Москва 1990, с. 446.
- В.В. Бабайцева, *Явления переходности в грамматике русского языка*, Дрофа, Москва 2000, 640 с.
- В.В. Бабайцева, *Система членов предложения в современном русском языке*, Наука, Москва 2011, 496 с.
- В.А. Белошапкова (ред.), *Современный русский язык: Учебник для филол. спец. ун-тов*, Высшая школа, Москва 1989, 800 с.
- Т.А. Бертагаев, *Субъект и подлежащее*, „Вопросы языкознания“ 1958, № 5, Изд. академии наук СССР, Москва, с. 65–69.
- Ф.И. Буслаев, *Историческая грамматика русского языка*, Унив. тип., Москва 1958, 732 с.
- В.В. Виноградов, *Из истории изучения русского синтаксиса*, Изд. Московского университета, Москва 1958, 400 с.
- В. Классовский, *Нерешенные вопросы в грамматике*, Изд. М.О. Вольфа, СПб. 1870, 92 с.
- П.А. Лекант, *К вопросу о синтаксическом субъекте*, „Вопросы филологии“ 1969, МГПИ, Москва, с. 197–204.

³ Термин «шкала переходности» введен Бабайцевой. Шкала переходности позволяет символически выразить количество дифференциальных признаков определенных членов предложения.

ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ...

- А.М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, Государственное учебно-педагогическое изд. мин. просвещения РСФСР, Москва 1956, 512 с.
- И.Н. Политова, *Переходность в системе подчинительных словосочетаний в современном русском языке*, КГПИ, Коломна 2008.
- Я.Г. Тестелец, *Введение в общий синтаксис*, РГГУ, Москва 2001, 797 с.
- В.И. Фурашов, *Современный русский синтаксис*, ВГГУ, Владимир 2010, 368 с.
- Л.Д. Чеснокова, *Проблемы членов предложения в теоретическом и методическом аспектах*, ТГПИ, Таганрог 1996, 211 с.
- J. Bauer, R. Mrázek, S. Žaža, *Průruční mluvnice ruštiny pro Čechy II*, SPN, Praha 1960, 484 s.
- Mluvnice češtiny 3*, Academia, Praha 1987, 746 s.
- H. Flídrová, *Texty k jazykovým gramatickým cvičením*, UP, Olomouc 2012/2013.
- H. Flídrová, S. Žaža, *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*, Univerzita Palackého, Olomouc 2005, 163 s.
- M. Kubík, *Модели двусоставных глагольных предложений русского языка в сопоставлении с чешским*, Univerzita Karlova, Praha 1977, 205 s.
- M. Kubík a kol., *Русский синтаксис в сопоставлении с чешским*, SPN, Praha 1982, 288 s.
- R. Mrázek, *K metažazykové stránce kategorie subjektu*, „Slovo a slovesnost” 1978, vol. 39, č. 3–4, AVČR, Praha, s. 270–273.
- R. Mrázek, *Синтаксические отношения и члены предложения*, „Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. Řada jazykovědná”. Brno 1961, s. 47–60.
- R. Mrázek, *Синтаксис русского творительного (структурно-сравнительное исследование)*, SPN, Praha 1964, 285 s.
- M. Grepl a kol., *Průruční mluvnice češtiny*, NLN, Praha 2003, 799 s.

Václav Slovák

OPIS SYSTEMU CZĘŚCI ZDANIA Z PERSPEKTYWY ZJAWISKA SYNKRETYZMU
(NA PODSTAWIE KONFRONTACJI JĘZYKA ROSYJSKIEGO I CZESKIEGO)

Streszczenie

Autor analizuje system części zdania z perspektywy zjawiska synkretyzmu. Celem i motywacją takiego podejścia do opisu systemu części zdania jest szansa, że bez względu na to, jak części zdania zostają ujęte, zawsze istnieje grupa zjawisk, które nie poddają się klasyfikacji. Stosując teorię synkretyzmu, autor dzieli wszystkie części zdania na typowe i synkretyczne. Skupia się zatem na dwóch grupach synkretycz-

nych części zdania: na częściach zdania znajdujących się na skali pomiędzy podmiotem i innymi rozwijającymi się częściami zdania (*subject determinant*) oraz dopełnieniem i okolicznikiem (*adject*).

Václav Slovák

DESCRIPTION OF THE SYSTEM OF SENTENCE MEMBERS
WITH RESPECT TO SYNCRETIC PHENOMENA
(IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGE)

Summary

The article deals with the system of sentence members with respect to syncretic phenomena in language. The main reason and goal of this approach to sentence members system description is the premise that no matter how sentence members are categorized there are always some of them that are very difficult to be classified definitely. Using the theory of syncretism all sentence members are divided into typical and syncretic. The author focuses on two classes of syncretic sentence members: the sentence members found on the scale between the subject and other sentence members (*subject determinant*) and between the object and the adverbial (so called *adject*).